

*Дорогому моему А. А. Кривцову
отъ Н. Н. Львова*

БЪЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

ДОКЛАДЪ Н. Н. ЛЬВОВА

БЪЛГРАДЪ,
Русская Типографія, Космайска, 20.
1924

Б Ъ Л О Е Д В И Ж Е Н І Е .

Докладъ Н. Н. Львова.

Кто мы? Куда мы идемъ? Что было у насъ въ прошломъ? На это мы должны дать отвѣтъ. Насъ называютъ бѣлыми. Когда, кто первый назвалъ этихъ подростковъ съ винтовкою въ рукахъ, шедшихъ по грязи въ степи, въ стужу, въ рваныхъ сапогахъ, съ холщевой сумкой черезъ плечо, бѣлыми? За что? За то ли, что они были бѣлыми. За то ли, что бѣлая мечта влекла ихъ за собой, а, когда она гасла, они слабѣли и падали. Враги называютъ насъ бѣлыми. Исторія сохранитъ это имя за нами.

Мы чувствуемъ, что самое имя наше накладываетъ на насъ свой долгъ. Мы должны стать бѣлыми. Слишкомъ велика была наша бѣлая мечта. Слишкомъ велики страданія тамъ въ Россіи. Слишкомъ много вложили мы въ бѣлое дѣло, чтобы отсутствовать отъ него.

Уже шесть лѣтъ, какъ мы идемъ все тѣмъ-же путемъ, преодолевая усталости, и не видимъ конца нашему пути. Мы одиноки, какъ были одиноки тѣ три тысячи кубанскаго похода, затерянные въ степи среди незнающихъ, непонимающихъ, чуждыхъ имъ и враждебныхъ людей.

Насъ немного. Но съ нами всѣ тѣ, кто былъ въ нашихъ рядахъ и положилъ душу за бѣлую мечту. И мы чувствуемъ, что въ насъ есть сила большая, чѣмъ мы сами.

На эти вопросы постараюсь отвѣтить, какъ могу. У бѣлыхъ есть горячіе защитники, есть и противники, есть и непримиримые враги.

Недавно въ печати Инлявъ говорилъ о бѣлой арміи, о государственномъ ея значеніи. Появились возраженія и отвѣтныя статьи. Въ Парижѣ Милюковъ тому-же вопросу о бѣломъ движеніи посвятилъ обширный докладъ, вызвавшій точно также многочисленныя возраженія. Вопросъ этотъ, видимо, волнуетъ многихъ. И хотя Милюковъ уже давно считаетъ насъ мертвыми, но забыть насъ не можетъ. И сейчасъ вновь обращается къ намъ, какъ если-бы мы стали опять живыми. Онъ даже слы-

шалъ признанія, которыхъ раньше не дѣлалъ, и сказалъ слова, которыхъ не говорилъ. „Не надо разрывать съ бѣлымъ движеніемъ“, сказалъ Милюковъ, а прежде онъ говорилъ „оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ“. Онъ призналъ, чего раньше во всякомъ случаѣ открыто не признавалъ, „бѣлымъ движеніемъ засвидѣтельствована вѣрность дисциплинѣ, долгу, праву, морали, религіи, идеѣ государственности“.

Онъ представилъ историческій обзоръ всего бѣлаго движенія, откуда оно пошло и чѣмъ оно стало.

Постараемся и мы отъ бѣлой мечты перейти къ бѣлой дѣйствительности.

„Укажу сразу“, говоритъ Милюковъ, „на причины неудачи бѣлаго движенія, при отсутствіи которыхъ бѣлое движеніе вполне могло бы удалиться. Основныхъ причинъ три: 1) недостаточная и несвоевременная, руководимая узко-корыстными соображеніями, помощь союзниковъ; 2) постепенное усиленіе реакціонныхъ элементовъ въ составѣ движенія; 3) какъ послѣдствие второй причины, разочарованіе народныхъ массъ въ бѣломъ движеніи“.

Укажу и я съ своей стороны сразу на внутреннія причины неудачи бѣлаго движенія. Относительно первой причины, указанной Милюковымъ, спора нѣтъ. Вторая и третья вѣрны. Бѣлое движеніе не завершилось побѣдой потому, что не сложились бѣлая диктатура, а помѣшали ей сложиться центробѣжныя силы, взлутыя революціей, и всѣ элементы, связанные съ революціей и непорвавшіе съ ней. Вотъ гдѣ внутренняя причина неудачи бѣлаго движенія.

Такъ же, какъ и Милюковъ, я постараюсь взглянуть на прошлое, чтобы понять настоящее.

I.

Революція произошла внезапно, столь внезапно, что даже сами участники не поняли, что они совершили. Всѣ были захвачены событіями врасплохъ. Но психологическій переломъ — революціи въ умахъ —

совершился еще ранее февральских дней в Петербургъ. Революція была порождена войной. Она вытекла изъ психологическихъ потрясеній въ народныхъ массахъ, изъ патристическихъ, войною вызванныхъ, настроеній общественныхъ верховъ. Революція выразилась въ выступленияхъ Государственной Думы, носившихъ революціонный характеръ, противъ правительственной власти въ лицъ министерства Штюрмера, Прогопова, Щегловитова, подчиненныхъ темнымъ закулиснымъ влияніямъ, въ дѣломъ рядъ протестующихъ заявленій общественныхъ организаций и даже дворянскихъ собраній. Духъ недовольства и протеста проникъ въ широкіе общественные круги, проникъ въ придворную сферу и въ самую Императорскую Семью. Первымъ въ стрѣломъ революціи былъ выстрѣлъ Пуришкевича и первой кровью была кровь Распутина.

Вотъ почему волненія въ Петербургъ, поводомъ для которыхъ послужилъ недостатокъ продовольствія, внезапно превратились въ крупѣйшее событіе въ русской исторіи. Правительственная власть пала, потому что никто не хотѣлъ ее защищать.

Государственная Дума въ лицѣ ея председателя и временнаго комитета пошла навстрѣчу и своимъ авторитетомъ поддѣлала революціонное движеніе. Это имѣло рѣшающее значеніе бунтъ превратился въ государственннй переворотъ.

Отреченіе Государя отъ престола послѣдовало послѣ отзвонъ всѣхъ главнокомандующихъ, признавшихъ его необходимость. Признаніе же необходимости отреченія вытекало изъ убѣжденія, что только при этомъ можно довести войну до побѣднаго конца.

„Судьба Россіи, честь героической Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогаго Нашего Отечества, требуютъ доведенія войны во что-бы то ни стало до побѣднаго конца“, заявилъ Государь въ своемъ отреченіи.

„Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную власть.“

Монархія не была низвергнута. Монархія сама ушла, доверивъ судьбу Россіи

и выполненіе главной національной задачи окончаніе войны новой властью.

Что же это была за новая власть, принявшая бразды правленія огромной Россійской Имперіи въ столь трудное и въ столь ответственное время?

Временное правительство, законно воспринявшее власть изъ рукъ послѣдняго Императора Михаила Александровича не было правительствомъ, это была группа частныхъ лицъ. Они не умѣли управлять, не понимали, что такое власть, и не повѣли всей ответственности, на нихъ возложенной.

Временное Правительство образовалось по соглашенію членовъ комитета Государственной Думы съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Оно вступило во власть, подписавъ обязательствы и сразу же подпало подъ контроль революціонной группы, стремившейся вырвать изъ слабыхъ рукъ прерогативы правительственной власти.

Подписавъ обязательство не уводить изъ Петрограда гарнизонъ взбунтовавшихся запасныхъ батальоновъ, временное правительство капитулировало передъ революціей.

Государственная Дума вступила на революціонный путь и возглавила переворотъ въ Петроградъ изъ патристическаго побужденія ради дѣла войны. Къ этому теченію присоединились общественные круги, патристически настроенные. Государственной Думѣ доверились главнокомандующіе арміями. Отреченіе Государя послѣдовало ради той же цѣли скорѣйшаго достиженія побѣды.

И всѣ оказались обманутыми.

Нелзя было служить двумъ господамъ — революціи и войнѣ. И временное правительство предало дѣло войны ради революціи. Оболочнице миржемъ революціи было велико. Революція представлялась великой и безкровной. Никто не предвидѣлъ ея ужаснаго конца. Временное правительство болѣло отстать и спѣшило опередить революціонное движеніе. Вся революція была сдѣлана сверху. Доста точно указать на одинъ фактъ: преступники были выпущены изъ тюрьмъ, а вся полиція свята и отправлена на фронтъ. Мало того, росчеркомъ пера была разрушена вся администрація, всѣ общественныя учрежденія, земскія и городскія, — несъ порядкомъ управленія.

Не зная, если бы въ Парижъ или въ Лондонъ правительство предприняло что либо подобное, могла ли бы устоять даже

столь прочно сложена западно-европейская цивилизация. У насъ все это произвели, не понимая даже, что дѣлаютъ.

Началась политика демагогии, политика публичныхъ выступлений, митинговъ, рѣчей безъ конца, деклараций, обычаевъ, посуловъ крестьянамъ земли, рабочимъ — восьмичасоваго рабочаго дня, демократическимъ кругамъ свободъ, окраинамъ автономіи. Все было пушено въ ходъ для заманиванія народныхъ массъ.

Но главное для революціонной власти нужно было овладѣть арміею; ее боялись, какъ силу реакціи, способной въ случаѣ побѣды задавить революцію. Боялись высшаго команднаго состава, боялись офицерства. Въ нихъ видѣли угрозу для себя.

Вотъ почему началась та же демагогія и въ арміи. Демократизація арміи, «права солдата и гражданина» вся эта демагогія со всеми комитетами, комиссарами, митингами, заигрываніемъ съ солдатскою массою и направливаніемъ на офицерство и разложила въ концѣ русскую армію.

Это было тѣмъ болѣе возмутительно, что офицерство сохранило полную лояльность. Временное правительство получило свои полномочія отъ Государя. Оно было законной властью. И ему повиновались, какъ привычки повиноваться военные.

Тщетно и напрасно боролся генералъ Алексѣевъ, тщетно подымалъ свой голосъ генералъ Деникинъ, тщетно протестовали генералы Драгомировъ, Гурко и др. Ихъ заподозривали въ реакціонности и устраняли. Появился новый типъ генераловъ, пристраивающихся къ революціоннымъ вѣяніямъ. Изъ усердныхъ слугъ стараго режима нашлись лакеи революціи.

Нашелся Брусилловъ.

Муки, которыя перенесъ простой, честный русскій офицеръ, были ужасны. Его авторитетъ подрывался, изъ повиновенія вырывали подчиненныхъ ему солдатъ, противъ него возстановляли солдатскую массу, его заставляли угождать толпѣ, его выставляли врагомъ народа, — плюнули въ душу русскаго офицера, какъ скалялъ Деникинъ. И среди всѣхъ этихъ униженій, оскорбленій, издѣвательствъ, его же заставляли идти и умирать, и не за родину умирать, а за революцію, ибо кличъ былъ «спасайте революцію». О Россіи не думали.

Все оправданіе революціи было въ побѣдѣ. Въ эти мученія, вся эта жестокая несправедливость, вся демагогія могли

бы найти себѣ извиненіе въ побѣдѣ. Побѣда и только одна побѣда могла бы покрыть собой всѣ преступленія революціи.

Но побѣды не было. Ностыдное бѣгство развращенной солдатской массы съ поля сраженія, ностыдныя картины погромовъ въ Калужѣ, въ Stanisлавовѣ и въ Тарнополь — вотъ что было концомъ весеннихъ дней революціи, результатомъ демагогии и демократизаціи арміи.

Скажутъ: «нипа падаетъ на большевиковъ, на ихъ преступную пропаганду». А кто открылъ двери передъ большевиками? Кто бездѣйствовалъ, бездѣйствовалъ даже тогда, когда они открыто подымали вооруженный мятежъ? Кто выпускалъ ихъ главарей изъ тюрьмы?

И объясненіе кроется не въ слабости правительства, а въ его лжи. Мы не забыли единый революціонный фронтъ. Мы не забыли что въ правительствѣ были циммервальдійцы, былъ Черновъ.

Большевизмъ былъ въ нѣдрахъ русской революціи, онъ уже былъ на лицѣ, когда Ленинъ еще и не появлялся въ Петроградѣ.

Слова Государя, эти кроткія слова отреченія, были неумолимыя приговоры надъ революціей. Тяжкимъ укоромъ должны звучать эти слова для всѣхъ, въ комъ не заглохло человѣческое совѣсть.

Вотъ откуда возникло бѣлое движеніе.

Началась открытая борьба за армію. Генералъ Корниловъ, верховный главнокомандующій, поставилъ свои требованія. Правительство должно было стать на ту или другую сторону. Назрѣвала необходимость въ диктатурѣ. Но Керенскій чувствовалъ, что не онъ станетъ диктаторомъ, что онъ принужденъ будетъ уступить первое мѣсто генералу Корнилову. Отсюда уловки, отговорки, оттяжки въ принятіи рѣшенія, переговоры съ Корниловымъ о подавленіи вооруженной силой большевистскаго возстанія и страха потерять власть разрывомъ съ революціей, недостойные приемы развѣдки, провокація и наконецъ предательство Корнилова.

Керенскій торжествовалъ побѣду. Керенскій верховный главнокомандующій самое тяжкое оскорбленіе русской арміи.

Но дни Керенскаго были сочтены. Въ первыхъ числахъ сентбря генералъ Корниловъ былъ заключенъ въ Быховѣ, а въ послѣднихъ числахъ октября Керенскій бѣжалъ изъ зимняго дворца.

Въ быховской тюрьмѣ зародилось

блѣе движеніе. Оно вытекло изъ нестерпимой боли замученнаго въ революціи русскаго офицера, изъ надругательствъ толпы надъ нашими лучшими генералами, изъ предательства русской арміи правительствомъ революціи.

II.

Петроградъ сдался большевикамъ безъ боя. Никто не всталъ на защиту правительства Керенскаго.

Арестованные министры, едва не разстрѣянные на улицѣ толпой, были препровождены въ Петропавловскую крѣпость. Но въ Москвѣ большевикамъ было оказано упрямое сопротивление. Во главѣ встали юнкера Александровскаго училища, къ нимъ примкнула студенческая молодежь, подростки гимназисты и кадеты. Масса московскаго населенія осталась пассивной, не принимая участія ни на той, ни на другой сторонѣ. Молодежь дрались героически, но она была всеми предана и прежде всего своими руководителями: командующимъ войсками московскаго округа, ставленникомъ Керенскаго, городскимъ головой Рудневымъ и членомъ правительства Прокоповичемъ. Они вступили въ соглашеніе съ большевиками и прекратили борьбу.

Отмѣчу одинъ фактъ, характерный для социалистической психологіи. Прокоповичъ послѣ капитуляціи прѣхалъ въ Александровское училище благодарить юнкеровъ, за что вы думаете... за вѣрности временному правительству.

Онъ былъ встрѣченъ свистками и олушительнымъ крикомъ.

Полное непониманіе и разрывъ социалистическихъ верховъ съ военной молодежью были причиной неудачи перваго опыта вооруженной борьбы въ Москвѣ.

Послѣ большевистскаго переворота начинается періодъ борьбы на Дону. Генераль Алексѣевъ въ штатскомъ платьѣ, въ вагонѣ у станицы Новочеркасска безъ копѣйки денегъ собираетъ вокругъ себя военную молодежь. У него двѣсти триста офицеровъ и юнкеровъ. Всѣ они помѣщаются въ одномъ зданіи лазарета на Бароной улицѣ. Для ихъ содержанія онъ пишетъ письма къ богатымъ благотворителямъ Ростова, для ихъ вооруженія выпрашиваетъ винтовки и пулеметы у донскаго правительства. И въ то время, когда старый генераль, нагнувшись въ очкахъ надъ столомъ, старательно высчитываетъ

каждую копѣйку расхода, когда бывший верховный главнокомандующій русской арміи былъ погруженъ въ заботу о содержаніи двухсотъ юнкеровъ, онъ совершалъ самое большое дѣло своей жизни.

Я говорю, что блѣе движеніе зародилось въ быховской тюрьмѣ. Съ именами генераловъ Корнилова, Деникина, Маркова, Лукомскаго и другихъ быховскихъ заключенныхъ связано все блѣе движеніе. Всѣ они появляются на Дону.

Для подтвержденія своей мысли, что въ то время не было еще дифференціи верховъ, а было единиче, Милоковъ указываетъ «Корниловъ еще республиканецъ, Алексѣевъ еще вводитъ въ совѣтъ Савинкова».

Я не знаю, были ли республиканцемъ генераль Корниловъ, но я знаю, что въ то время онъ былъ контръ-революционеромъ. Генераль Корниловъ внушалъ къ себѣ подозрѣнія и опасенія въ довѣчныхъ кругахъ и его такъ же, какъ генераловъ Деникина, Маркова и другихъ, просили не останавливаться въ Новочеркасскѣ. Муть, поднятая революціей, была еще слишкомъ велика.

Точно такъ же и генераль Алексѣевъ ввелъ въ совѣтъ Савинкова, вовсе не какъ своего единомышленника, а для того, чтобы обезвредить его, не дать возможности этому честолюбцу портить начинавшееся дѣло.

Фактъ этотъ хорошо известенъ Милокову.

Ни о какомъ единомысліи говорить, следовательно не приходится. И генераль Алексѣевъ, и генераль Корниловъ были русскими патриотами. Они вели борьбу за армію и не помышляли и не могли въ то время помышлять о будущемъ образѣ правленія въ Россіи.

Оба они, какъ патриоты, были контръ-революционерами. Я говорю, что патриотическіе круги были обмануты въ революціи. Только для однихъ обманъ раскрылся уже давно, а другіе до сихъ поръ не могутъ и не хотятъ понять. Такъ же, какъ Милоковъ не понималъ ни генерала Корнилова, ни Алексѣева, такъ же онъ не сумѣлъ понять значенія перваго кубанскаго похода.

Походъ трехъ тысячъ въ кубанскія степи, походъ, который вдохнулъ въ армію героическій духъ, въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ вдохновилъ людей въ самой отчаянной, самой утѣвительной борьбѣ съ ужасомъ большевизма, походъ, ко-

торный и до сих пор живым воспоминанием подымает на ноги усталых, готовых упасть, этот поход? оцнивается так: „Подъ влиянием боевого быта деформируется психология. Создается переизбыток военного элемента над штатским, связующийся съ прямолинейностью, для которой недоступно понимание тактических мотивов“.

Бълое движеніе есть прежде всего военный походъ, борьба за армію, а потому въ немъ долженъ главенствовать военный элементъ. Въ кубанскомъ походѣ все стало рядовыми. Каждый исполняетъ свой долгъ. Въ этомъ все значеніе и все величіе совершеннаго подвига. Рыцарствомъ и волей Корнилова, его геройской смертью, отагою генерала Маркова и всякимъ авторитетомъ Алексѣева люди были сплочены въ одно неразрывное цѣлое. Изъ Ростова вышли партизанскіе отряды, вернулись на Донъ крѣпкое ядро арміи. Въ борьбѣ выковались нравственные начала: чѣрность дисциплины, долгу, чести, расхатанности въ революціи и заново выработанныя кровью и подвигомъ.

И вся задача бѣлаго движенія въ томъ и заключается, чтобы удержать и сохранить въ себѣ эти крѣпкія консервативныя начала, на которыхъ только и можетъ строиться армія и государство.

III.

Послѣ большевистскаго переворота русской арміи не стало; это были безызычные массы разнузданной солдатыни, громишей, грабишей и съ награбленнымъ добромъ толпами бросившейся расходиться по домамъ, все опустошая на своемъ пути.

Арміи не стало, не стало и Россіи. Территорія бывшей россійской имперіи превратилась въ арену борьбы внѣшнихъ иноземныхъ силъ. Нѣмцы, австріяцы, а потомъ союзники французы, англичане, а на востокъ японцы, стали распоряжаться и господствовать въ предѣлахъ бывшаго русскаго царства. Нѣмцы были хозяевами въ Москвѣ, такъ же, какъ они были хозяевами въ Кіевѣ.

Подъ Москвой стоялъ цѣлый корпусъ, и бранный изъ германскихъ воиноплѣнныхъ.

Графъ Мирбахъ приказывалъ и споряжался, большевики, какъ наемные слуги, безпрекословно исполняли волю Берлина.

Нѣмцы подавляли возстанія въ Яро-

славль, въ Муромѣ, Рыбинскѣ и во Владимірѣ, нѣмцы держали въ своихъ рукахъ Москву.

На югѣ анстро-германскія войска занимали обширную территорию десяти губерній до Ростова на Дону и все Закавказье. Сначала украинская рада, а потомъ гетманъ Скоропадскій были поставлены въ Кіевѣ германскими штыками. Муммъ и фельдмаршалъ Эйхгорнъ были распорядителями судьбы нѣмцами созданной Украины.

Какова же была политика союзныхъ державъ въ это время? „Россія какою угодно цѣной должна отвлечь часть неприятеля на себя“, вотъ что ставятъ союзники своей задачей, какъ правильно указываетъ Милоковъ. Съ этой цѣлью союзниками сперва производится попытка сговориться съ большевиками, а затѣмъ послѣ Брестъ-Литовска у нихъ возникаетъ идея „Восточнаго внутренняго фронта“. Вокругъ Москвы подымается рядъ возстаній въ Ярославль, во Владимірѣ, и въ другихъ городахъ. Возстанія эти приводятъ лишь къ гибели массы русскихъ офицеровъ, вовлеченныхъ въ безнадежныя предпріятія въ расчетѣ на помощь союзниковъ и расплатившихся своей кровью за чужія ошибки. Одновременно съ этимъ подымается антибольшевистское движеніе на Волгѣ.

Одной изъ вѣншихъ силъ, оказавшихся внутри Россіи, былъ чехословацкій корпусъ. Организованный изъ воиноплѣнныхъ еще при царскомъ правительствѣ, прекрасно снабженный и вооруженный на русскія деньги, этотъ корпусъ, какъ вооруженная сила братскаго славянскаго народа, могъ бы сыграть рѣшающую роль въ сверженіи большевиковъ, а между тѣмъ онъ сыгралъ роль самую губительную для бѣлаго движенія, приведшую къ трагическому концу адмирала Колчака.

И произошло это потому, что въ дѣйствіяхъ чеховъ, такъ же, какъ и другихъ союзниковъ, не было желанія оказать безкорыстную помощь русскому народу. Руководимый своимъ социалистическимъ комитетомъ, чехословацкій корпусъ все время удерживался отъ вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла, какъ будто послѣ Брестъ-Литовска большевики явно не стали ничѣмъ инымъ, какъ подсобной силой нѣмцевъ для завоеванія Россіи. Чехословацкій корпусъ не самъ выступилъ, а былъ втянутъ въ борьбу благодаря дѣйствіямъ большевиковъ, давшихъ приказъ

о его разоружении, и все дальнейшее поведение чеховъ свелось къ тому, чтобы какъ можно больше обогатиться за счетъ Россіи и выбраться со всемъ приобрѣтеннымъ черезъ Владивостокъ за ея предѣлы. Словомъ, чехославаки дѣйствовали такъ же, какъ и другіе союзники, преслѣдовали своекорыстные интересы и отказывали въ помощи гибнущей Россіи.

Союзники поддерживали возстанія на сѣверѣ и движеніе на Волгѣ, но помощи добровольческой арміи, боронившей на югѣ, не оказали никакой.

Послѣ пораженія германской арміи вся картина сразу мѣняется. Я помню тѣ дни ликования, когда англійскій флотъ, пройдя Дарданеллы, появился въ новороссійской бухтѣ. Казалось несомнѣннымъ, что добровольческая армія, такъ самоотверженно сохранившая всю вѣрность союзникамъ, получить столь долго желанную помощь и наша побѣда казалась обеспеченной. Престижъ союзниковъ побѣдителей въ міровой войнѣ былъ такъ великъ, ихъ матеріальныя и боевыя средства столь огромны, что самаго незначительнаго усиленія съ ихъ стороны было бы достаточно, чтобы спасти Россію.

Австро-германскія войска, занимавшія югъ Россіи, уходили изъ ея предѣловъ. Огромная территория съ сорокамилліоннымъ населеніемъ оставалась безъ всякой вооруженной силы. Было очевидно, что весь югъ Россіи будетъ охваченъ анархіей и, никѣмъ не защищенный, подвергнется вторженію большевиковъ. Необходимость присылки союзныхъ войскъ столь ясно сознавалась, что генераль Бертело, главнокомандующій арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югъ Россіи далъ обѣщаніе двинуть 12 дивизій французскихъ и греческихъ для занятія Одессы, Севастополя, Киева, Харьковѣ, Донецкаго бассейна, Дона и Кубани, чтобы предоставить возможность добровольческой и донской арміямъ прочнѣе организовать и быть свободными для широкихъ активныхъ операцій.

29 октября главнокомандующій союзными силами на востокъ генераль Франше д'Эспере писалъ генералу Эрдели, русскому уполномоченному: „будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и лояльна союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ русскихъ и не оставитъ добровольческую армію“.

Какъ же были исполнены эти обѣщанія: 4 декабря въ Одессѣ высадились де-

сантъ французскихъ и греческихъ войскъ. Въ январѣ были заняты Севастополь, Херсонъ и Николаевъ, но дальнейшее продвиженіе влѣду было приостановлено.

Случилось то, что и должно было случиться. Сперва разбойничьи шайки, а вслѣдъ за ними и большевистскія войска наводнили край, захватили Харьковъ, Екатеринославъ, Киевъ и стали продвигаться къ Одессѣ.

Донскіе казаки, утомленные двѣнадцатимѣсячной борьбой, не получая помощи, стали слабѣть и отступать подъ напоромъ свѣжихъ большевистскихъ силъ. Новочеркасскъ оказался подъ угрозой.

Напрасно генераль Деникинъ въ рядѣ обращеній къ генералу Франше д'Эспере и въ Парижъ и къ маршалу Фошу просилъ о помощи. Ему не отвѣчали и даже не сообщали, каковыя планы и намѣренія союзниковъ.

Простоявъ четыре мѣсяца въ Одессѣ, французскія войска бросили городъ вне запно въ послѣднихъ числахъ марта. Такъ закончилась, обыцанная Франціей, помощь, не оставивъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ.

Одесская катастрофа — вотъ, гдѣ кроется главная причина неудачи бѣлаго движенія на югъ Россіи. Послѣ того, какъ намѣченный планъ занятія союзными войсками юга Россіи провалился, передъ генераломъ Деникинымъ стала задача завоеванія всего этого обширнаго края своими совершенно ничтожными силами. Пятисотъ тысячъ австро-германскихъ войскъ поддерживали порядокъ и охраняли югъ Россіи. Добровольческая армія начала наступленіе едва ли располагая 40 тысячами штыковъ и сабель. Въ рядѣ боевъ исключительнымъ напряженіемъ и доблестью добровольцевъ красные были разбиты. Взяты Харьковъ, Екатеринославъ, Полтава, Курскъ, Орель. Мы могли побѣдить большевиковъ, но мы не въ силахъ были побѣдить пространство. Тонкая растянутая цѣпь войскъ на протяженіи огромнаго фронта не могла выдержать натиска свѣжихъ большевистскихъ резервовъ и одновременно подавить разбойничьи нападенія въ тылу.

Зданіе, возведенное наскоро ввысь безъ прочнаго фундамента естественно рухнуло.

Я не стану касаться всей дальнейшей политики союзниковъ. Она хорошо известна и ихъ политика въ Крымѣ, гдѣ она опредѣлялась исключительно намѣреніемъ использовать русскую силу и русскую кровь для своихъ цѣлей спасенія Вар-

шаны, и дальнейшее направление их политики в сторону сближения, соглашения и наконец признания большевиков. Да, союзники, их сноескорыстная политика погубила более движение и тем самым погубила Россию.

Въ отыскъ этой политики нтъ двухъ мнѣній. Приведу лишь слова Обера, сказанныя имъ на лозанскомъ процессѣ: „Развѣ вы не видите“, говорилъ Оберъ, „что моральное паденіе до потери всякаго стыда въ Европѣ заставляетъ каждаго русскаго, сохранившаго человѣческую совѣсть, идти по слѣдамъ Ковради“.

IV.

Милоковъ говоритъ, что вначалѣ нтъ антибольшевистскія общественныя силы были объединены между собой. Это не совсемъ такъ. Сложились три центра: „Правый центр“, „Национальный центр“ и „Союзъ возрожденія“. Кадеты играли роль посредниковъ, вели переговоры, входили въ соглашения и съ тѣми и съ другими группами. Но дальше переговоровъ дѣло не подвинулось; состоявшіяся соглашения тотчасъ нарушаются и никогда не выполняются въ общія дѣйствія.

Правые вскорѣ оставляютъ Москву. Центромъ правыхъ становится Кіевъ, гдѣ ведется монархическая политика въ мѣсцной ориентации, а въ послѣдствіе дѣлаются попытки формировація „Южной“ и „Астраханской“ армій, какъ монархическихъ военныхъ организацій.

„Национальный Центр“ въ известной своей части перешелъ въ Екатеринодаръ въ районъ добровольческой арміи, а лѣвые перекинулись на Волгу и Сибирь.

Милоковъ утверждаетъ, что возблудившая реакція была причиною неудачи бѣлаго движенія. Но на Волгѣ и тѣмъ реакціи не было. Всѣмъ дѣломъ руководили социалисты. Авксентьевъ возглавлялъ Уфимскую директорію. Лозунгомъ было „Учредительное собраніе“. Велась политика, опирающаяся на широкіе демократическіе круги и на крестьянскія массы. Въ „народной арміи“ была проведена тѣлкомъ демократизація.

И все-таки Уфимскую директорію постигъ полный провалъ. Гдѣ же искать причины неудачи. А вотъ нтъ чѣмъ. И на верхухъ эсъ-эровск хъ трудно провести грань между ними и большевиками, лѣвые эсъ-эры тѣ же большевики, а на низухъ уже совершенно невозможно. Низы,

которыхъ подымали и думали вести за собой эсъ-эры, были сплошь тѣ же громадные, большевистскіе низы, та же стихія пугачевщины. Толпа готова была устраивать шумныя демонстраціи, рукоплескать на митингахъ, она способна была возбуждаться демагогическими рѣчами и лозунгами, но она совсѣмъ не готова была идти и умирать за учредительное собраніе. Вотъ почему за неизмѣнимъ другой реальной силы и пришлось обратиться къ военной средѣ, къ тѣмъ же офицерамъ, настроеніи которыхъ были уже совсѣмъ иными. Эти готовы были идти въ бой противъ большевиковъ, но только не за революцію и не за эсъ-эровъ. Осуществлять власть и руководить военнымъ движеніемъ эсъ-эры были неспособны. Въ этомъ сказывалась та же ложь, что и при Керенскомъ.

Роковая судьба эсъ-эровъ въ томъ и заключается, что они всегда являются вольными и невольными пособниками большевиковъ. Что съють одни, покинають другіе.

Вотъ почему болѣе, чѣмъ понятенъ переворотъ въ Омскѣ и принудительный выгнздъ членовъ Уфимской директоріи изъ Сибири.

Верховнымъ правителемъ былъ провозглашенъ Колчакъ. Какія же внугреннія причины неудачи бѣлаго движенія въ Сибири при Колчакѣ Милоковъ хочетъ видѣть. Ихъ въ засилье военщины, первымъ проявленіемъ которой явился переворотъ въ Омскѣ. Я же считаю, что онъ принимаетъ послѣдствія за причину. Причина заключается совсѣмъ въ другомъ, а именно въ томъ, на что мимоходомъ указалъ Милоковъ. „Колчакъ — челонѣкъ глубокаго духовнаго благородства и тонкой культуры оказался никакимъ диктаторомъ“. Вотъ гдѣ кроется главная причина неудачи бѣлой Сибири.

Колчакъ, какъ адмиралъ, не могъ руководить сухопутными военными операціями; отъ арміи онъ былъ далекъ, не умѣлъ держать крѣпко въ рукахъ распущенную за время революціи военную среду. Генералы отложились отъ центра. Каждый дѣйствовалъ за себя и враждебно относился къ другому. Колчакъ не сумѣлъ справиться съ атаманищиной, съ проявленіями грубой военщины, съ сноесвольемъ генераловъ, такъ же, какъ онъ не сумѣлъ подавить и революціонныя движенія въ тылу. И онъ погибъ мужественно, какъ герой, преданный всѣми.

Его смерть явилась достойным концом его жизни.

Въ Сибири не было диктатора, не сложилась диктатура и на югъ. Я говорю въ самомъ началѣ, что внутренняя причина крушенія благаго движенія заключалась въ томъ, что цѣлый рядъ условий помѣщала концентраціи власти, каковая требовалась для одоленія большевизма. И дѣйствительно, въ лицѣ большевизма мы имѣли врага исключительнаго по напряженію и сосредоточенности злой воли.

Большевиизмъ это революціонная партія, насильемъ и воровствомъ захватившая власть надъ Россіей, партія замкнутая, подчиненная жестокой дисциплинѣ, готовая на все для достиженія своей цѣли. Большевики не останавливаются ни передъ чѣмъ. Нужно получить деньги и они берутъ ихъ у нѣмцевъ, грабятъ казначейства, грабятъ частныя банки. Нужно устрашить и Чека казнитъ, пытается, разстрѣливать. Нужно заставить себя повиноваться и они берутъ заложниковъ, убиваютъ женщинъ, дѣтей, родныхъ, голодомъ, подкупомъ, угрозой заставляють служить себя. Для нихъ нѣтъ выхода: или власть или плаха. Страхъ дѣлаетъ ихъ безпощадными. Страхомъ держатъ они въ своихъ рукахъ массу людей, связанныхъ съ ними общностью преступленій.

Противъ такой сосредоточенной злой силы нужна единая сосредоточенная власть. Нужна диктатура — противъ красной бѣлы.

Между тѣмъ повиненье было расшатано въ революціи. Никто не хотѣлъ признавать надъ собой власти. Авторитета не было. Идея цѣлаго была потеряна и центробѣжныя силы, вздутыя револющей, рвали Россію на куски.

Генералъ Корниловъ обладалъ желѣзной волей. Моральный авторитетъ Алексѣева былъ очень великъ. Генералъ Деникинъ былъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ русской арміи. Онъ сталъ особенно популяренъ своей мужественной борьбой съ Керенскимъ въ защиту русскаго офицера.

Вотъ почему они и могли поднять самую монументную волну благаго движенія.

Корниловъ былъ убитъ. Алексѣевъ скончался. Деникинъ остался одинъ. Вся тяжесть борьбы легла на его плечи. Услоня, въ которыхъ приходилось дѣйствовать, были отчаянно трудны. Приходилось жить не у себя, а въ чужомъ домѣ и вести борьбу съ хозяевами дома. Добровольческая армія была частью и притомъ

меньшей донскихъ, кубанскихъ и терскихъ войскъ. Своей территоріи не было, одна лишь Ставропольская губернія и побережье съ Новороссійскомъ. Въ дѣль снабженія, продовольствія и набора войскъ мы находились въ зависимости отъ донского и кубанскаго правительствъ. Лишь съ лѣта 1919 года была завоевана обширная площадь южныхъ губерній, но удержана всего на нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ Дономъ были постоянныя трения. Съ Кубанью шла упорная борьба изъ за самостоятельности.

Добровольцы сражались и умирали за Москву. Донцы бились за освобожденіе Дона. Кубанцы за свой родной край. Вотъ этотъ внутренній разладъ и не давалъ сложиться диктатурѣ и привелъ къ крушенію всего дѣла.

А Милюковъ думаетъ, что причиною всего была политика особаго совъѣщанія, какія то реакціонныя интриги правыхъ. Возобладовавшая реакція изъ бѣломъ движеніи оттолкнула будто бы отъ него народныя массы. Какъ это похоже на дѣйствительность.

На Кавказѣ вся острота вопроса вовсе не заключалась изъ антагонизмъ между помѣщиками и крестьянами, но между казаками и иногородными. Этого вопроса, однако, не подлежалъ вѣдѣнію особаго совъѣщанія, а донского круга и кубанской рады. Въ Ставропольской же губерніи были богатѣйшія многоземельныя села, и не было помѣщиковъ. Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и другія губерніи были заняты въ столь короткое время, что то или другое разрѣшеніе аграрнаго вопроса и не могло ихъ коснуться.

Вообще давно пора оставить эти пустые разговоры, что народныя массы были будто бы враждебны бѣлой арміи. Народныя массы были пассивны прежде всего. Они хотѣли, чтобы кто-нибудь дѣль имъ порядокъ и спокойствіе, но вовсе не хотѣли идти подъ пули. П какъ винить за это людей. На Украинѣ разъ по десяти смѣнялись власти то русскіе, то нѣмцы, то украинцы, то большевики, Петлюра, гетманъ, опять большевики, то красные, то бѣлые и такъ безъ конца и каждая власть требовала себя безирекослоннаго повиновенія, требовала, чтобы за нее шли сражаться и умирать. Естественно, что люди старались какъ нибудь скрыться и убѣжать въ лѣса и появились зеленые, зеленые и противъ большевиковъ и противъ

допривольцев, появились и совершенно отчаянные шайки Махно.

Вот каковы были настроены крестьянских масс, за которых Милюков, видимо думая, что они были будто бы раздражены компромиссной аграрной политикой особого совещания. Как некоторые во всем винить кадетскую интригу, так и Милюков ведь доискивается процессу правых с их классовыми поделками.

Смело успокоит Милюкова. Правых с их классовыми поделками в Екатеринодарь не было. Они были в Киев, где бьются, как Шульгина, преследовали, сажали в тюрьмы, как полковника Реснянского, но где помнится, действовал П. П. Милюков, принимая участие в монархических совещаниях, отстаивая правую политику немецкой ориентации и сотрудничество в гетманском правительстве.

Правые в Екатеринодарь были другого рода. Они отстаивали единую армию и единое командование и стояли за диктатуру; они были против политики деклараций, выявления лица, как тогда говорили, против привлечения симпатии широких демократических кругов и вели борьбу с кубанским правительством, возмущаясь бызем, борьбу нелегкую, приведшую к закрытию газеты „Россия“, взятию редакции под стражу и к угрозе высылки редакторов из Екатеринодара.

Третья между левыми и правыми была в Екатеринодарь, но советам на другой почве, чем думает Милюков. Для тех и для других Москва была прежде всего. Ты и другие служили одному делу, но левые были за преемственною связью с временным правительством, за политикой декларационного характера, а правые были против. Для левых была еще соблазна несенных дней революции, а правые порвали с ней резко и навсегда.

Были в Екатеринодарь и социалисты и эсы эры и те, что назывались левые кадеты. Они пытались навязать свои лозунги „Учредительное собрание“, но успеха не имели. Они были как то не на своем месте, ни на казачьем кругу, ни в кубанской радь, ни в среде, близкой к армии.

Между тем Милюков так и изображает внутреннюю причину неудачи белого движения при ген. Деникине; „Картина получается та же, что и в Сибири, несмотря на разницу условий. Причиной же преобладание военного взгляда на задачи

блело движения и усиление реакционного элемента. Роль особого совещания сводится к безформенной борьбе мнений. В комиссии по аграрному вопросу происходит топанье на месте. Деникин неоднократно накладывает свое veto на реакционные земельные проекты. В результате компромиссные решения, невыгодные для крестьян“. Как все это выдуманно и как все это мелко!

Причины неудачи генерала Деникина заключаются в том, что и ему оказалась не по плечу задача осуществления диктатуры. Политика в этом отношении сыграла свою губительную роль. Ничто так не отталкивает от земли и не извешивает воли, как борьба с татями. Деникин был военный, сильный человек, но и он зашутался в тенетах политики. У Деникина при всех его крупных достоинствах была одна слабость. Он никому не доверял, все хотая делать сам. Он не умая привлечь и заставить людей работать. Он доверял только именинникам и этим доверил себя. Вот почему политика втянула его, вымотала его силы и главное оторвала его от армии. Между главнокомандующим и армией произошла разрыв. В армии его перестали уважать. Выдвинулись другие имена. Никогда не могли бы иметь места те безобразия, как творились в Харьков ген. Май-Маевским и его штабом, те грабежи и насилия над мирным населением, которые своим примыром гоночили некоторые генералы, если бы твердая рука главного командования не ослабла.

Генераль Деникин выпустил вошки из рук. Грабежи и насилия, неизбежные в войсках, особенно при такой характере войны, какой она имела на юге России, превратились в явление, угрожавшее прежде всего самой армии, потому что они сверху не были сдержаны. Сами генералы, как Шкуро, своими разгулом и распущенностью подавали дурной примыр для войск. Развилась партизанщина, дух наживы охватил тыловые части. А распущались они потому, что перестали чувствовали над собой твердую руку.

Я говорю это не для того, чтобы обвинять ген. Деникина. Заслуги его слишком велики, а недостатки, на которые я указываю, вовсе не имели решающего значения в ходе кампании. Решающим было поведение союзников, о чем я уже упомянул выше. Говорю же я это для

того, чтобы выяснить, насколько утверждения Милокова невинны, когда он говорить „После потери Киева монархическая настроенія офицерства усиливаются. Деникинъ оказывается львѣе своей арміи. Противъ него растетъ оппозиціонное настроеніе, которое и выдвигаетъ Врангеля“. При чемъ тутъ львиизмъ Деникина и монархическія настроенія офицерства. Авторитетъ главнокомандующаго былъ поколебленъ. И онъ не могъ не поколебаться послѣ потери Киева, Курска, Харькова и отступления арміи отъ Орла до Ростова.

Внезапная смена генераломъ Деникинымъ правительства и назначение новаго подѣ председателствомъ Мельникова были дѣйствіями чловѣка, на все махнувшая рукой, а вовсе не запоздалой уступкой, какъ хочется Милокову. Генераль Деникинъ потерпѣлъ вѣру въ себя и ему перестало вѣрить. Это страшная, тяжелая трагедія бѣлой борьбы.

V.

Значеніе Крыма можетъ понять только тотъ, кто пережилъ Новороссійскъ. Новороссійскъ это каменная яма, гдѣ безславно погибло все прошлое, всѣ два съ половиной года героическихъ усилій, это провалъ всего того, что было сдѣлано, за что принесено столько жертвъ, вынесено столько человеческихъ страданій. Если бы нашимъ концомъ былъ Новороссійскъ, мы не имѣли бы права глядѣть людямъ прямо въ глаза. Все прошлое было бы зачеркнуто.

„Только чудо можетъ спасти армію“, сказалъ мѣ послѣ новороссійской катастрофы мужественный полковникъ, участникъ перваго кубанскаго похода съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ на груди. „а я въ чудеса не вѣрю“.

Такимъ чудомъ былъ Крымъ.

А для Милокова Крымъ это неудачная авантюра генерала Врангеля и больше ничего. Последняя тѣнь безпристрастія покидаетъ Милокова. Онъ раздраженно критикуетъ и военныя операціи, и генеральское третигованіе населенія, и львуную политику правыми руками. Онъ не хочетъ видѣть всей разницы между уходомъ изъ Крыма и новороссійской катастрофой. Онъ не понимаетъ, что послѣ Новороссійска генераль Деникинъ не могъ оставаться во главѣ арміи, а послѣ ухода изъ Крыма не только остался вмѣстѣ съ арміей гене-

раль Врангель, но сумѣлъ и вывести ее изъ безнадежнаго положенія.

Для насъ Крымъ это достойное завершеніе нашего дѣла, а для Милокова это конецъ такой же, какъ и Новороссійскъ, послѣ котораго нужно сложить оружіе и признать себя побѣжденнымъ.

Въ Крыму создалась сильная властная структура. Два условия благопріятствовали этому личныя свойства генерала Врангеля, его напряженная воля, никогда не ослабѣвающая энергія и рѣшимость съ одной стороны, а съ другой то обстоятельство, что въ Крыму не было такого сложнаго узла взаимоотношеній, какъ въ Екатеринодартѣ. Въ Крыму мы были у себя дома. Не было ни кубанской рады, ни донскаго круга, не было такого крупнаго центра какъ Ростовъ съ его развращающимъ влияніемъ, со спекуляціями, съ газетами, съ шумными собраніями и уличными выступленіями. Жизнь въ Севастополѣ была менѣе сложна.

Сразу же въ Крыму почувствовалась твердая рука. Войска были подтянуты, дисциплина восстановлена. Противъ насилій и грабежей были приняты самыя рѣшительныя мѣры. Интриги донскихъ генераловъ были пресѣчены въ корнѣ. Сидоринъ и Кельчевскій преданы суду и высланы изъ Крыма.

Въ Крымѣ, были тренія между фронтомъ и тыломъ, между военной и гражданской средой, конечно, въ Крымѣ преобладали правые, но засилья военицины и реакціи, какъ говорить Милокову, не было и не было потому, что крѣпкая рука сдерживала и тѣхъ и другихъ.

Внутренняя политика вовсе не была „львоной политикой правыми руками“. Въ составѣ правительства были и львие и правые. Струевъ, Бернцкии, Кривошеинъ и Савичъ. И политика была не львая, а дѣловая. Не было ни декларацийъ, ни выявленія лица, ни законопроектовъ теоретическаго характера, а въ три недѣли были выработаны правила земельныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами и стали примѣняться на дѣлѣ. Только въ ослабленіи пристрастія можно сказать, то, что говоритъ Милоковъ: „Руками Кривошеина издается аграрный законъ, полный уловокъ для восстановленія помѣщичьяго земледѣлія“. Законъ, восстанавливающийъ будто бы помѣщичье земледѣліе былъ истрѣбленъ враждебно какъ разъ въ правыхъ кругахъ, львие же въ то время закрепили новое земельное положеніе.

Подвести Крым под "рафарет" реакции и классовой подоплека в политике, оттолкнувший якобы народ от. Было движение, при всей тщательности розыска никак не удается Милокову.

Скажут, что дипломатия политика генерала Врангеля была лишена всякого идеального содержания. У нас привыкли видеть идеальное содержание лишь в актах декларационного характера. В первом же своем обращении генерал Врангель заявил, за что мы боремся: „За поруганную и оскорбленную святыню. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конце разоривших Святую Русь. За прекращение междоусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственности землю, занялся бы мирным трудом. За то, чтобы честный рабочий был обеспечен хлебом на старость лет. За то, чтобы истинная свобода и право царил на Руси. За то, чтобы русский народ сам себя выбрал Хозяина“.

Эти слова стоят всех деклараций вместе взятых с их расчетом на привлечение народных масс. Эти слова не соблазнят; они искренни. В этом вся их сила. За это люди готовы были идти в бой. За эту блую мечту люди положили свою жизнь.

Крым оставят всегда с двойной странной в истории русской армии, подобно Севастопольской обороне. На том же клочке русской земли проявились та же твердость и та же мужество в тяжелых невзгодах, когда послы отступления от самой Москвы до Черного моря русская войска в ночь обрели в себя силы встать бодро на ноги, бороться и победить.

Послы Крыма стали возможны Галлиполи и Лемнос. Послы Новороссійска истунили бы разброд и распыление, так же, как в Сибири, на сьверн и в войсках ген Юденича. Армии больше не было бы. Блая мечта была бы навсегда победена.

VI.

В Галлиполи блое движение окончательно сложилось, от него отпало все наносное, моральный связи окрыли, вырабатался дух повиновения, пробудилось живое национальное чувство.

„Только смерть может избавить тебя от исполнения долга“, „Помни, что ты

принадлежишь России“ — вот надпись, выложенная камнями на галлиполиском песке и та же надпись кровавыми буквами запечатлелась в душ каждого галлиполильца. Отсюда началась в новых условиях, но все та же борьба среди сумерков жизни, в лишениях нищеты, в труде, в агонии, но все в том же ооеном напряжении воли. Это все то же блое движение. Здесь нет череды. Нет остановки.

И вот уже три года эта безоружная армия продолжает вести борьбу и не разналяется. В глухих захолустях Болгарии, в горных тундрах Македонии, в Праге, в Париже, в Бельгии, в Африке, в Америке, на тихоокеанских островах, вездь есть галлиполицы, вездь есть казаки, люди того же духа, связанные между собой кровными корпоративными узами. Это сила.

В борьбе с большевизмом здесь за рубежом России нам нужно достичь того же, что и раньше — единения и сплоченности. Нам нужно иметь один непрекаемый авторитет, всеми признанный. Нужно стать радвыми, как в первом кубанском походе.

И в этой борьбе противники у нас все те же. Противники люди партийных и львых, люди своекорыстных интересов, политический в значении слова, непризнание повиновения и ставящие свои задачи выше задачи общей.

Нам нужно быть окваченными по рывом повиновения — в нем все спасение.

В Константинополе в самых тяжелых условиях шла напряженная борьба за цельность русской армии, за сохранение наших национальных сил. И Милоков был не с теми, кто защищал, а с теми, кто давил. Это было все та же безпринципная политика — ставка на сильных, что и в Киев. Не в средь „врангелевцев“, как говорит Милоков, но в средь его ближайших друзей его новая тактика вызвала возмущение. Партия раскололась.

Милоков не только рвал по живому телу, но и оскорблял. Но Милоков всегда прав в своих глазах, инноваты генералы, стремившиеся использовать блдственное положение людей, их оскорбленное национальное чувство, для своих честолюбивых целей.

Его не поняли. Так истолковать может только Милоков. И теперь, когда

онъ дѣлаетъ признаніе о высокихъ моральныхъ цѣнностяхъ блага движенія, когда онъ говоритъ новыя слова „не надо порывать съ бывлымъ движеніемъ“, это не шагъ къ примиренію, не Каносса, но зигзаги все той же политики.

Все его историческое изысканіе направлено къ тому, чтобы доказать, что было движеніе, загубленное въ прошломъ реакціей, погибло и для будущаго, вылившись въ монархическое русло.

„Бѣлое движеніе окончательно сузилось и назвалось своимъ послѣднимъ именемъ — движеніемъ монархическимъ. Освобожденіе Россіи начало мыслиться не только при помощи устарѣлага метода, но и для невозможной цѣли возстановленія монархіи съ лицомъ прежней династіи“, вотъ что говоритъ Милюковъ и говоритъ сознательно иду на поводу.

Онъ умышленно смѣшиваетъ Галлиполи съ Рейхенгалемъ. Онъ умышленно искажаетъ послѣднее заявленіе великаго князя Николая Николаевича.

Бѣлое движеніе, одушевленное высокими нравственными началами „вѣрностью дисциплинѣ, долгу, чести, религии, идеи государственности“, началами консервативными, является движеніемъ монархическимъ и консервативнымъ, но оно прежде всего національное движеніе.

Вѣ нашихъ рядахъ люди „разбѣжались“ партій могутъ идти вмѣстѣ: и Бураевъ, и Алексинскій, и гр. Мусинъ Пушкинъ, и Пасманикъ, и Шульгинъ, Чебышевъ и Долгоруковъ, Даватъ и Ильинъ, но въ нашихъ рядахъ нѣтъ мѣста тѣмъ, кто престоль станивъ выше отечества, свою партію выше Россіи, нѣтъ мѣста и тѣмъ, кто „окончательно скомпрометировалъ себя въ революціи и тѣмъ неразрывно связалъ себя съ нею“.

Партіямъ служить мы не хотимъ. Мы боролись и будемъ бороться противъ всякаго партійнаго посягательства будь то высшій монархическій совѣтъ, или лѣвые. Не понявъ этого, значить ничего не понять въ бѣломъ движеніи.

„Въ событіяхъ, которыя, быть можетъ, предстоятъ обломку арміи, особенно же монархически окрашенной, не сыграетъ никакой роли“, говоритъ Милюковъ.

Не слишкомъ ли самонадѣянно сказано.

Какъ не скрыто отъ насъ то, что происходитъ въ недрахъ Россіи, однако есть всѣ данныя, чтобы признать, что дви-

женія, подымающіяся въ русскихъ народныхъ массахъ, совсемъ не тѣ, на которыя возлагаютъ надежды лѣвые.

Движеніе, обозначившееся въ Россіи, это прежде всего движеніе религиозное, какъ возмущеніе вѣрующей совѣсти противъ насилія надъ православной церковью. Нельзя сказать, чтобы это былъ попутный вѣтеръ для нашихъ лѣвыхъ партій.

Далеко намѣчаются острыя проявленія оскорбленнаго національнаго чувства, скрывающіяся во враждѣ къ нѣмеццамъ и ненависти къ евреямъ. Это тоже не вода на милоковскую мельницу.

Въ третьихъ нарастаніе собственническаго инстинкта, какъ протестъ противъ удушенія всей хозяйственной жизни коммунизмомъ. Это тоже не совсемъ то, что входитъ въ программу Милюкова и тѣмъ паче его лѣвыхъ друзей.

Думаю, что всѣ эти теченія указываютъ на одно. После ужасовъ коммунизма нѣтъ возврата, хотя бы и къ весеннимъ днямъ революціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только монархическія движенія встрѣять откликъ въ народныхъ массахъ послѣ паденія большевиковъ, но и черносотенныя, погромныя и волною прокатятся по всей Россіи.

И вотъ тогда то и неповимающіе поймутъ, что все бѣлое движеніе. Тогда они и ихъ друзья будутъ искать защиты и спасенія отъ единственной силы, могущей оградить Россію отъ черной реакціи.

И легкомысленно Милюковъ старается подкочаться подъ живую силу бѣлой арміи.

Легкомысленно предлагаетъ онъ сохранить весь идеализмъ, всю идею жертвы и подвига, но съ своего пути свернуть на другой, по его указанію. Нельзя чувства человѣчскія, возвышенныя порвать приспособляя къ зигзагамъ политики: идеализмъ не тонать, идею жертвы и подвига нельзя переносить изъ одной лавочки въ другую.

Для блага движенія есть только одинъ прямой путь и никакого другого, тотъ путь, который орошенъ кровью нашихъ людей! За что они умирали, за то и мы готовы положить нашу жизнь.

Легкомысленно говоритъ Милюковъ слова и слова, много безспорныхъ словъ. „Нужно отречься отъ злобы и ненависти“, да, это безспорно. „Нужно научиться знать новую Россію“, тоже вѣрно. „Нужно идти

въ Россію со смысломъ и пониманіемъ", конечно, безъ смысла ничто дѣлать нельзя. „Россія велика, а мы миллионы" тоже вѣрно; въ Россіи 120 миллионъ, а въ кубанскій походъ пошли три тысячи. Все это безспорныя истины. Но когда эти истины говорятся для того, чтобы склонить людей идти учиться у Милокова, то это уже совсѣмъ не такъ безспорно.

Что же въ сущности проповѣдуется. Смысловъство.

Милоковъ такъ и говоритъ въ заключеніи: „Въ приготовительный классъ для возвращенія на родину, въ республиканско-демократическую организацию отчасти уже перешли, отчасти еще придутъ лучшіе элементы бѣлаго движенія".

Даже и названіе тоже, какъ съюзъ возвращенія на родину въ Болгаріи при Стамболіискѣмъ. Только въ усѣбѣхъ предпріятія врядъ ли есть основанія быть столь увѣренными.

Конечно можно заманить безработныхъ интеллигентовъ, тоскующихъ по демократіи, но чтобы это были наши люди, да притомъ лучше, можно весьма усомниться.

Время не то. Жизнь слишкомъ трудна, чтобы люди могли предаться игрѣ въ бирюльки хотя бы и самой демократиче- и признаніи революціи. Въ между нами пропасть. Развѣ возможно забыть преступленія революціи. Что сдѣлали съ русской арміей? Чѣмъ кончили войну? Каковъ отвѣтъ на слова отреченія Государя? Революція это обманъ. Русскіе, патріотическіе и военные круги были обмануты. Окутанныя туманомъ и захваченныя соблазнами народныя массы также попались въ заговоръ и провалились въ яму Революція это провалъ Россіи. Тутъ не можетъ быть никакого признанія.

Только въ своемъ изступленіи Милоковъ видитъ во всемъ реакцію и классовыя вождельнія. Мы хотимъ принести миръ мученному въ революціи русскому народу. Слишкомъ велики были жертвы, слишкомъ тяжелы были страданія, чтобы думать о возвращеніи себѣ помстий, о прежней жизни въ донолствѣ и сытости и больше ни о чѣмъ

Мы знаемъ, что этого нельзя. Вопросъ идетъ не о нашемъ господствующемъ положеніи и не о возстановленіи Петербурга во всемъ его прежнемъ видѣ. Мы знаемъ, что жизнь въ Россіи будетъ нелегка. Жизнь будетъ жестка и груба, во много разъ грубѣе прошлаго.

Но чтобы вынести Россію изъ упадка, нужна не демократическая республика, а нравственныя начала, на которыхъ будетъ строиться новая жизнь. Нуженъ порывъ идеализма, который возмощитъ въ бѣломъ движеніи, нуженъ запасъ моральной силы, чтобы спасти русскій народъ отъ вины и духовнаго олиценія. Россія погружена во тьму варварства.

А Милоковъ думаетъ, что все дѣло въ обученіи республиканско-демократическимъ принципамъ. Вотъ гдѣ старорежимная психологія и старая интеллигентская заставка.

Для объективнаго историческаго анализа бѣлаго движенія у Милокова не хватило ни чуткости, ни безпристрастія и его обзоръ вышелъ такъ же похожимъ на дѣйствительности, какъ скелетъ на живого человѣка.

Милоковъ не сумѣлъ понять того, что понялъ Оберъ, зацѣпая Полуночія на дозанскомъ процессѣ. Гражданскіе истцы монархистовъ ставъ мотивамъ личнаго свойства изъ за мести и злобы.

Но Оберъ разоблачилъ ихъ: „То, что они сдѣлали", сказалъ Оберъ о подсудимыхъ, „является дѣломъ правды національной, и, болше того, человѣческой правды".

И развѣ возможно было бы обратиться съ такими словами къ присяжнымъ: „Въ возвышенномъ порывѣ къ Вѣчной Правдѣ вы оправдаете подсудимыхъ", если бы не было всей силы убѣжденія въ правдѣ ихъ преступленія.

И развѣ можно допустить мысль, что такихъ людей можно сбить съ ихъ пути и переманить... въ приготовительный классъ для возвращенія на родину.

Нѣтъ, бѣлая мечта неугасима. И она, эта бѣлая мечта приведетъ насъ въ Россію

